

Генрих Али Баба

Том I.

ХРОНОГРАФ.

Тайна Хранителя

ПРОШЛОЕ
НЕ УМИРАЕТ.
ОНО ТОЛЬКО
ЖДЁТ, КОГДА
ЕГО ВСПОМНЯТ.

Генрих Баба

Том I. Хронограф.

Тайна Хранителя

<https://litres.ru/74483347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон, 1536 год. Нотариус Томас Элдридж получает от умирающего незнакомца загадочный пергамент с печатью давно исчезнувшего монастыря. Несколько слов на латыни, странный металлический ключ и имя Custos — Хранитель становятся началом пути, который навсегда изменит его жизнь.

Вместе с Элис Томас оказывается втянут в тайну древней библиотеки, существующей вне привычного течения времени. За её секретами охотится сэр Ричард Малверн — человек, готовый изменить прошлое ради собственной власти.

Но прошлое сопротивляется тем, кто пытается его переписать. И Томасу предстоит сделать выбор, от которого зависит не только судьба Англии, но и сама память человечества.

Генрих Апи Баба

Том I. Хронограф.

Тайна Хранителя

Том I

ХРОНОГРАФ. Тайна Хранителя

ПРОЛОГ. Печать из пустоты

Лондон захлёбывался в ледяном саване. Февраль тысяча пятьсот тридцать шестого выдался таким, каким его потом будут вспоминать старики, — вязким, промозглым, будто сама зима решила проверить город на прочность. Туман, тяжёлый и жирный от речного ила, выползал из Темзы неспешно, по-хозяйски, проглатывая шпиль Уайтхолла и мрачные зубцы Тауэра один за другим, будто пробуя город на вкус. Лондон не спал этой ночью. Он затаился — придавленный, присевший, как пёс перед хозяйской рукой, которая вот-вот опустится то ли лаской, то ли ударом. Никто толком не знал, чего ждать от гнева короля Генриха на этой неделе. Лишь редкий, надтреснутый звон колокола Сент-Байдс порой прорезал мглу — глухо, коротко, точно напоминая округе: время всё ещё течёт, даже если Бог в последнее время предпочитает не смотреть в сторону Англии.

В переулке близ Флит-стрит, где вечно пахло сырым кам-

нем, речной тиной и дешёвым углем из соседних труб, в окне дома Томаса Элдриджа дрожал единственный на всю улицу огонёк.

Томас — сорокалетний нотариус с лицом сухим и невозмутимым, как старый пергамент, — сидел за конторкой, ссутулившись ровно настолько, насколько позволяла привычка держать спину прямой даже в одиночестве. Его пальцы, испачканные чернилами до самых костяшек, привычно выводили витиеватые буквы очередного завещания — купец из Сити, три дома, спор о причале, обычное дело. Элдридж любил свою работу именно за эту предсказуемость. В мире, где короли меняли жён и веру быстрее, чем перчатки, закон — при всей своей занудной медлительности — оставался единственным надёжным якорем. Он давно научился читать не то, что написано чернилами, а то, что осталось невысказанным между строк, — в паузах свидетелей, в дрогнувшей руке наследника, в слишком уверенном взгляде того, кому нечего скрывать. Этой ночью он планировал всего лишь дописать последнюю строку, присыпать её песком и лечь спать до колокола к заутрене.

Тишину комнаты разорвал звук.

Тук.

Глухой, короткий удар в тяжёлый дуб двери. Элдридж замер, не отрывая пера от бумаги. На кончике набухла чернильная капля — и сорвалась вниз, расплываясь по пергаменту уродливой кляксой прямо поверх слова «наследует».

Тук-тук-тук.

Настойчивее. Срываясь на скрежет ногтей — или чего-то похуже — по дереву.

Томас медленно поднялся. В тысяча пятьсот тридцать шестом году ночной стук редко приносил добрые вести: обычно это оказывались либо стражники Кромвеля с ордером, от которого стынет кровь, либо сама Смерть, не утруждающая себя церемониями. Он взял оловянный подсвечник — рука привычно легла на холодный металл, — и пламя единственной свечи испуганно, почти по-живому метнулось в сторону, когда он шагнул к порогу.

— Кто там? — голос нотариуса прозвучал суше обычного, будто в горле у него самого пересохло раньше, чем он успел испугаться.

Ответа не последовало. Только тяжёлый, свистящий вдох за дверью — такой, каким дышат люди, пробежавшие слишком много кварталов с раной под плащом. Элдридж, помедлив ровно один удар сердца, отодвинул засов.

Холод хлынул в прихожую разом — с запахом речной гнили, застарелого пота и чего-то металлического, липкого, безошибочно узнаваемого. На пороге стоял человек. Дорогой тёмный плащ был безнадёжно забрызган грязью до самого пояса, лицо казалось высеченным из мела — бледное, заострившееся, — а глаза горели тем лихорадочным, почти безумным блеском, какой Томас прежде видел только у приговорённых в ночь перед казнью.

— Мастер Элдридж... — хрип сорвался с губ незнакомца, будто каждое слово стоило ему отдельного, невыносимого усилия. — Заверьте... Скорее.

Нотариус открыл рот, чтобы по привычке выставить незваного гостя за дверь — час поздний, приём с рассвета, — но слова застряли в горле. Он опустил свечу ниже. По руке незнакомца, прямо из-под плотно зажатого локтя, текла густая, почти чёрная в неверном свете кровь. Она падала на каменный пол ровными, тягучими каплями, и этот тихий, методичный звук казался Томасу оглушительнее любого набатного колокола.

Дрожащей рукой человек протянул ему свиток, туго перевязанный суровой нитью.

— Если рассвет я встречу уже не в этом мире... — прошептал он, и колени под ним подкосились так внезапно, будто кто-то невидимый одним движением подрубил ему сухожилия. — Этот документ... он должен жить. Свидетельствуйте!

Человек рухнул. Голова тяжело, с сухим стуком ударилась о косяк — и он затих так резко, так окончательно, что Элдридж на мгновение забыл, как дышать сам. Оцепенев, нотариус машинально подхватил пергамент из падающей руки. Под пальцами бумага оказалась ледяной — холоднее уличного февраля, холоднее собственных заледеневших пальцев.

Он поднёс свиток к свече, всё ещё не отводя взгляда от неподвижного тела в дверях. Сердце пропустило удар. На се-

ром воске отчётливо, до последней завитушки, отпечатался герб — терновый венец, обвивающий ключ. Печать аббатства Святого Бриавеля.

Холодный пот выступил на лбу Томаса, тонкой плёнкой стянул кожу под воротником. Три месяца назад он сам, своими глазами, видел, как королевские комиссары выгоняли последнего монаха из Бриавеля взашей, заколачивали двери крест-накрест грубыми досками и опечатывали ворота личной печатью короля. Аббатство было мертво. Разграблено, выпотрошено, заброшено — он лично относил в архив опись конфискованного имущества, где рукой самого Элдриджа было выведено сухое казённое слово «упразднено».

Но воск на свитке, зажатом в его похолодевших пальцах, был ещё мягким.

И тёплым — так, будто печать поставили не далее чем минуту назад.

Глава I. Мёртвые свидетели

Смерть вошла в дом Томаса Элдриджа без стука — сразу следом за хрипом незваного гостя, будто дожидалась своей очереди у порога вместе с ним. Нотариус понял это не разумом, а кожей: по тому, как внезапно, одним движением, обмякло тело у его ног, и по тому, как переменялся звук дыхания. Оно не прервалось постепенно, как гаснет свеча. Оно просто исчезло — и на его месте осталась пустота настолько плотная, что в ушах у Томаса зазвенело.

За двадцать с лишним лет практики он повидал немало

уходов. Старики шелестели последними словами, точно сухой листвой на ветру, — тихо, неторопливо, будто нехотя прощаясь с миром. Богатые вдовы цеплялись за жизнь, как за туго набитый кошелёк, до самого последнего вздоха торгуясь с небесами об отсрочке. Но этот человек умер иначе. Резко. Так, будто из него одним рывком выдернули невидимый стержень, на котором держалось всё тело.

Элдридж рывком захлопнул тяжёлую дверь, отсекая холодный туман, уже успевший облизать сапоги покойного жадным, любопытным языком. В прихожей воцарилась удушливая тишина — нарушаемая лишь шипением оплывающей свечи да, кажется, собственным сердцем, гулко отдающимся в висках.

Он заставил себя сдвинуться с места. Положил принесённый свиток на дубовый стол — руки слушались плохо, будто чужие. Несколько капель горячего воска сорвались с подсвечника и застыли на пергаменте багровыми нарывами, похожими на маленькие ожоги. Пальцы Томаса чуть заметно дрожали, пока он развязывал суровую нить и разворачивал документ.

Это был юридический акт, безупречный в своей форме, — латынь строгая, сухая, каноническая, ровно та латынь, на которой писались тысячи подобных бумаг за его конторкой. Акт передачи прав на владение землями и некими «хранилищами»... Но взгляд нотариуса, привыкший скользить по строчкам в поисках сути, застыл на подписях внизу листа.

Четыре имени. Четыре брата аббатства Святого Бриавеля.

Томас медленно опустился на табурет, чувствуя, как по спине пробежал сквозняк — или, может статься, вовсе не сквозняк. Он сам, собственной рукой, три месяца назад скреплял печатью отчёт королевской комиссии о роспуске этого аббатства. Он помнил те списки наизусть, слово в слово: «имущество изъято», «братья распущены», «строения опечатаны». Согласно закону — а закон был для Элдриджа не абстракцией, а живой материей его ремесла, — этих людей и этого места более не существовало в правовом поле Англии. Их вычеркнули так же старательно, как вычёркивают ошибку в бухгалтерской книге.

Но дата на пергаменте безжалостно, чёрным по белому, гласила: вчерашний день.

Он перевернул лист. На обороте, в самом углу, торопливо нацарапана короткая фраза — чернила там гуще, буквы корявее, будто перо то и дело спотыкалось о неровности стола. Или о предсмертную агонию пишущего.

«Non nobis licet vivere». Нам не позволено жить.

— Что же вы нашли в этих руинах? — прошептал Элдридж в пустоту комнаты, сам не зная, кому адресует вопрос — мёртвому телу у своих ног или четырёх призрачным именам на пергаменте.

Он снова заставил себя подойти ближе. Страх, сковавший его в первые мгновения, понемногу уступал место другому чувству — холодному, цепкому любопытству ремесленни-

ка, привыкшего докапываться до сути документа, каким бы странным тот ни казался на первый взгляд. Томас присел на корточки, стараясь не наступить в расширяющуюся тёмную лужу на каменных плитах. Одежда покойного была добротной — тонкое сукно камзола, крепкая, хорошо выделанная кожа сапог. Не паломник-фанатик с горящими глазами, не беглый монах в рваной рясе. Человек с деньгами. Человек с положением.

Что-то тускло блеснуло у самого воротника — тонкий кожаный шнурок, уходящий под ткань. Элдридж, помедлив ровно секунду, осторожно потянул за него. На свет божий, покачиваясь, выплыла небольшая металлическая пластина.

В жёлтом, дрожащем пламени свечи проступил выгравированный герб. Тюдоровская роза, безупречно узнаваемая. Личный знак королевского комиссара — из тех самых людей, что тремя месяцами раньше выламывали двери Бриавеля коваными сапогами.

Холод в животе Томаса превратился в лёд, растёкшийся до самых кончиков пальцев. Человек, чья должность заключалась в том, чтобы уничтожать монастыри именем короля Генриха, умирая на чужом пороге, принёс документ, доказывающий обратное: уничтоженный монастырь всё ещё жив. Каким-то немыслимым образом жив. И за одно только это знание он заплатил дырой под рёбрами, из которой сейчас медленно, неотвратимо вытекала последняя тёплая кровь.

Снаружи, за толстыми стенами дома, слышался рит-

мичный, приближающийся стук — кованые сапоги ночного патруля мерно ударяли по обледеневшим булыжникам переулка. Раз. Другой. Третий. Ближе.

Элдридж замер, переводя взгляд с документа в своих руках на неподвижное тело представителя короны у собственных ног — и обратно. Мысли метались, но одна пробилась сквозь панику яснее прочих, холодная и окончательная, как приговор. Если сейчас он распахнёт дверь и позовёт стражу, объяснит, укажет на труп, — его собственная жизнь оборвётся немногим позже, чем оборвалась жизнь этого несчастного комиссара. В тысяча пятьсот тридцать шестом году знать правду о делах короны было куда опаснее, чем совершить убийство собственными руками. Правду прощали реже, чем нож в спину.

Шаги патруля миновали переулок, не замедлившись, растворились в тумане так же внезапно, как появились. Томас медленно выдохнул — он и не заметил, что всё это время не дышал.

Он был всего лишь нотариусом. Скромным, аккуратным человеком, чья самая большая тайна прежде состояла в том, где именно старый эрл Норфолк прячет второе завещание. Но теперь, стоя на коленях в собственной прихожей рядом с остывающим телом королевского слуги, сжимая в руках пергамент с печатью мёртвого аббатства, он стал хранителем тайны, способной, если верить хотя бы половине прочитанного, спалить дотла половину Лондона.

Глава II. Тени на той стороне

Ночь в Лондоне никогда не была по-настоящему тихой — где-то вечно скрипела вывеска на ветру, лаяли псы, плескалась вода у дальних причалов. Но тишина, что стояла сейчас в доме Элдриджа, оказалась другой породы. Осязаемой. Плотной, как саван, наброшенный на всю комнату разом. Томас понимал это до тошноты ясно: мёртвое тело на пороге собственного дома — не просто улика для чужого расследования. Это смертный приговор, уже написанный, оставалось лишь дожидаться, когда его огласят вслух.

В городе, где через дом жил доносчик, где каждый второй подмастерье подрабатывал для Тайного совета лишней парой глаз и ушей, труп королевского слуги на пороге нотариальной конторы не оставлял ни единого шанса на оправдание. Не важно, что скажет Элдридж. Важно будет только то, что найдут стражники, войдя в дверь.

Он заставил себя действовать — не думать, просто действовать, пока тело не решит за него, поддавшись панике. Подавив подступающую тошноту, Томас опустился на колени рядом с покойным. Лицо комиссара, теперь окончательно, необратимо лишённое всяких красок, застыло серой восковой маской в неровном свете. Острый нос, глубокая складка между бровями — что-то смутно знакомое царапнуло память. Возможно, он видел это лицо в канцелярии Кромвеля, среди десятков других исполнителей королевской воли, чьи имена нотариусы вроде него запоминать не считали нужным.

Просто ещё один чиновник в дорогом сукне.

Пальцы Элдриджа, привыкшие к тонкой, бережной работе с пергаментом, а не с чужой мёртвой плотью, осторожно скользнули в складки плаща покойного. Тяжёлый кошель с серебром — значит, не грабёж, цель убийц лежала явно в другой плоскости. И наконец находка: свёрнутый клочок бумаги, пахнувший табаком и застарелым, въевшимся в ткань страхом.

Томас поднёс его к дрожащему пламени свечи. Пять слов, выстроенных в колонку, одно под другим, — будто ступени, ведущие вниз, в бездну.

Бриавель.

Библиотека.

Крипта.

Книга.

Custos.

Последнее слово — «Хранитель» — было подчёркнуто дважды, так глубоко и яростно, что перо едва не прорвало бумагу насквозь, оставив рваные, шершавые края.

В этот момент улица за дверью ожила.

Сначала — лишь далёкий, размеренный ритм: кованые сапоги патруля по мокрому булыжнику. Потом — голоса. Элдридж замер, превратившись в неподвижную статую, вросшую коленями в холодный пол. Он слышал, как стражники перебрасывались ленивыми, привычными шутками, как поскрипывали их потёртые кожаные ремни при каждом шаге.

— Всё спокойно?

— Спокойнее не бывает. Гнилая ночь, только псов гонять.

Сердце Томаса сделало кувырок и замерло — вместе с ним самим — когда ручка его двери дрогнула. Едва заметно. Кто-то снаружи, не постучав, просто попробовал войти.

Скрежет металла о металл прозвучал в мёртвой тишине комнаты как настоящий выстрел.

— Он был здесь, — произнёс третий голос. Не лениво, не буднично, как у стражников за спиной. В нём звучала холодная, режущая уверенность хищника, взявшего свежий след и не собирающегося его терять.

Слова повисли в тумане за дверью, и Элдридж перестал дышать вовсе. Секунда. Две. Пять. Шаги не удалялись — кто-то стоял по ту сторону, отделённый от него одним-единственным дюймом дубовой доски, и, казалось, вслушивался в само его дыхание, в стук его сердца, в скрип половицы под коленом. Лишь спустя целую вечность — а может, всего десяток ударов пульса, растянутых страхом до бесконечности, — шорох плаща стих, и улица снова погрузилась в ватное, обманчивое безмолвие.

Томас, не позволяя себе выдохнуть до конца, кончиками пальцев отодвинул край тяжёлой занавески — на волосок, ровно настолько, чтобы видеть одним глазом.

Мир снаружи утонул в молочной мгле. Но там, на другой стороне Флит-стрит, у полуразрушенной арки заброшенной лавки, замер силуэт. Высокий, неподвижный настолько, что

казался вырезанным из самого тумана. Он не пытался спрятаться, не отступал в тень. Он просто смотрел — прямо на окно нотариуса, будто знал точно, за каким стеклом сейчас прячется добыча. Безмолвный свидетель. Или будущий палач, никуда не торопящийся, потому что жертва уже никуда не денется.

Свеча в руке Элдриджа вздрогнула, вспыхнула напоследок ярче обычного — и погасла, оставив после себя лишь едкую струйку сизого дыма, щиплющую глаза. Когда спустя секунду Томас снова, уже в полной темноте, взгляделся в мглу за занавеской, фигура исчезла. Без звука шагов, без скрипа гравия. Будто её и не было вовсе.

Нотариус остался в крошечной темноте один на один с мертвецом на полу и списком из пяти слов, которые пока не складывались ни во что осмысленное. Но одно он теперь знал совершенно точно, с той окончательностью, с какой прежде знал лишь буквы закона. Его прежняя, спокойная жизнь — жизнь из чернил, печатей и чужих завещаний — закончилась этой ночью, вместе с последним ударом сердца человека на его пороге. Отныне он был частью игры, где ставкой служили не земли и не золото, а нечто, спрятанное глубоко в крипте формально не существующего монастыря.

И «Хранитель» — кем бы он ни был — уже шёл по его следу.

Глава III. Тень Хранителя

Утро вползло в Лондон серым и немощным зверем. Туман

не рассеялся с рассветом, как надеялся Томас, — он лишь налился мутным, водянистым светом, превратив улицы за окном в декорации из грязного, засиженного мухами стекла. Где-то вдали уже надрывались первые торговцы, скрипели тяжело гружённые телеги, перекликались лодочники на реке. Обычный лондонский день начинал свой обычный ход. Но в доме на Флит-стрит время, казалось, застыло где-то на середине ночи и отказывалось двигаться дальше.

Томас Элдридж не сомкнул глаз ни на минуту. Всю ночь напролёт он просидел за столом, гипнотизируя пергамент так, будто тот мог наконец сдаться под достаточно долгим взглядом и выдать все свои секреты сам. Четыре подписи мёртвых монахов, чей монастырь официально перестал существовать. Печать Бриавеля — тёплая, немыслимо тёплая, когда её принесли. И предсмертный хрип на латыни, отпечатавшийся в памяти отчётливее собственного имени: «Non nobis licet vivere». Нам не позволено жить.

Слова из короткого списка, найденного за пазухой у покойного, крутились в голове упрямо, как детали сломанного часового механизма, никак не желающие сложиться в целую картину. Библиотека... Крипта... Книга... И это странное, будто налитое свинцом слово — Custos.

Память, вопреки бессоннице, вдруг услужливо подбросила Томасу обрывок далёкой юности. Когда он был всего лишь простым писцом в монастырском архиве — тощим мальчишкой с вечно перепачканными чернилами пальцами, —

старики-монахи иногда, понизив голос почти до шёпота, поминали за работой «Custos Librorum». Хранителя книг. Того, кто оберегал рукописи, слишком опасные для глаз обычных мирян — и, если верить особенно суеверным братьям, слишком опасные даже для глаз простых монахов.

Если королевский комиссар искал именно такую книгу, значит, его смерть на пороге Элдриджа была вовсе не финалом истории. Лишь первым, самым коротким актом гораздо более кровавой пьесы.

Когда за окном рассвело окончательно и серый свет перестал притворяться сумерками, Томас принял решение. Пора идти к приставу. Хранить подобную тайну в одиночку было невыносимо — она грызла изнутри не хуже голода. Он поднялся, взял огарок свечи, хотя дневного света уже хватало, — просто чтобы занять чем-то дрожащие руки, — и направился к выходу. Тело комиссара всё это время должно было лежать там же, где рухнуло, преграждая путь на улицу мёртвым, неопровержимым укором.

Элдридж рывком распахнул дверь и замер на пороге. Порог был пуст.

Ни тяжёлого тела в тёмном, забрызганном грязью плаще. Ни застывшего мелового лица. Только грязные, стёртые тысячами подошв камни мостовой — и тёмное, почти чёрное пятно, глубоко впитавшееся в известняк, единственное молчаливое доказательство того, что минувшей ночью ему всё это не привиделось. Нотариус, не веря собственным глазам,

вышел на улицу, лихорадочно озираясь по сторонам. сосед-булочник напротив как ни в чём не бывало выкладывал на прилавок ещё горячие буханки, мальчишка-подмастерье лениво возил метлой по мостовой, поднимая облачка пыли. Мир жил своей обычной, нехитрой утренней жизнью — будто вчерашнего гостя, его хрипа, его крови на этом самом камне никогда и не существовало.

Кто-то приходил сюда в глухой предрассветный час. Кто-то забрал мертвеца так тихо, так умело, что даже чуткое, привыкшее к ночным звукам ухо нотариуса не уловило ни единого шороха.

Именно в этот момент, когда тревога внутри Томаса готова была перерасти в настоящую, неуправляемую панику, раздался новый стук.

Совсем другой. Тихий. Уверенный, размеренный, ничем не похожий на отчаянную предсмертную дробь минувшей ночи.

— Мастер Элдридж? — голос за дверью оказался женским. Низким, странно, неуместно спокойным для такого утра.

Томас метнулся обратно в дом, схватил со стола нож для срезания сургуча — жалкую, тонкую стальную щепку, годную разве что вскрыть письмо, — и, помедлив ровно столько, сколько потребовалось, чтобы унять предательскую дрожь в пальцах, отодвинул засов. На пороге, там, где ещё утром чернело кровавое пятно, стояла женщина в глубоком

капюшоне, скрывавшем большую часть лица. Её глаза — внимательные, спокойные, будто повидавшие на своём веку куда больше, чем позволял её возраст, — тут же пригвоздили его к месту не хуже клинка. Она мельком, почти равнодушно скользнула взглядом по тёмному пятну на камнях у своих ног — и снова подняла глаза прямо на нотариуса.

— Похоже, вы уже встретили человека из Бриавеля, — тихо, почти буднично произнесла она.

— Вы... знали его? — Томас сильнее стиснул бесполезный нож, костяшки побелели.

— Нет, — женщина едва заметно качнула головой под капюшоном. — Но я знаю, что его убили. И знаю почему.

— Откуда вам знать? — выдохнул Элдридж, чувствуя, как земля под ногами становится всё менее твёрдой.

Женщина, не дожидаясь приглашения, шагнула через порог в полумрак прихожей — так уверенно, так естественно, что Томас невольно попятился, пропуская её внутрь.

— Потому что теперь они будут искать и вас тоже, мастер Томас, — сказала она, останавливаясь у самого стола, где всё ещё лежал развёрнутый пергамент. — Те, кто унёс тело этой ночью, не любят оставлять свидетелей. Особенно таких, что умеют читать между строк лучше, чем сами строки.

Глава IV. Шёпот в архивах

Слова незнакомки повисли в воздухе — тяжёлые и липкие, как лондонский туман, что до сих пор не желал выпускать город из своих объятий. Томас медленно опустил бес-

полезный нож для сургуча, чувствуя, как немеют пальцы — то ли от долгой бессонной ночи, то ли от того, что весь его уютный, выстроенный из сухих контрактов и долговых расписок мир только что окончательно, с грохотом рухнул ему под ноги.

— Кто эти «они»? — голос нотариуса предательски сорвался на середине фразы. — И кто вы такая, чтобы входить в мой дом с подобными речами, будто явились по приглашению?

Женщина откинула капюшон одним точным, экономным движением. Открывшееся лицо — бледное, острое, с высокими скулами — напоминало лик святой с потемневшей от времени иконы. Но в глазах, устремлённых на Томаса, не было ни капли иконного смирения. Только цепкое, изучающее внимание.

— Зовите меня Элис, — ответила она, проходя к столу с пергаменатами так уверенно, будто это она была здесь хозяйкой, а не случайной гостьей с улицы. — Я из тех, кто предпочитает, чтобы Книга оставалась в тени, где ей и место. Но комиссар оказался глуп. Он вообразил, будто корона сильнее клятв, которым уже без малого три века.

Она указала длинным пальцем на список, который Томас безуспешно терзал всю ночь, вертя и так и этак.

— Custos. Вы ведь уже поняли, что это не просто титул для тщеславных стариков? Это клеймо. Хранитель — не тот, кто читает страницы. Тот, кто запечатывает их собственной

кровью, если потребуется.

Томас невольно оглянулся на пустой порог, туда, где ещё пару часов назад лежала смерть собственной персоной. Мысли, вопреки страху, послушно выстраивались в цепочку — привычка ремесла, от которой не так просто отделаться даже посреди кошмара. Тело исчезло бесследно, не оставив после себя даже слабого запаха тлена, — лишь бурая корка на камнях, которую он сам едва не принял за игру утреннего света. Булочник, напротив, как ни в чём не бывало насвистывал свой обычный мотив, даже не подозревая, что несколько часов назад мимо его лавки, должно быть, пронесли труп высокопоставленного королевского чиновника — и никто в целом квартале ничего не услышал, не увидел, не заподозрил. А значит, кто бы ни забрал тело этой ночью, у них имелись ключи если не от самих городских ворот, то от чего-то не менее надёжного — либо они сами были частью городской стражи, вросшей в ночной Лондон настолько глубоко, что могли переставлять покойников, как мебель.

— Если вы хотите выжить, Элдридж, забудьте дорогу к приставу, — Элис резко обернулась к нему, и в голосе её впервые прорезалась настоящая, неприкрытая жёсткость. — Пристав уже получил свою долю золота, чтобы сегодня утром «ничего не произошло». Он подпишет вам смерть быстрее, чем вы успеете договорить первую фразу жалобы.

— Вы упомянули Книгу, — Томас сделал шаг вперёд, и на мгновение профессиональное любопытство нотариуса, при-

выкшего докапываться до сути любого документа, пересилило липкий, сковывающий страх. — Старики в архиве, где я служил мальчишкой, поминали «Custos Librorum». Но я всегда полагал, что это лишь легенда — для острастки юных послушников, чтобы не совали нос куда не следует.

— Легенды не оставляют трупов на порогах нотариусов, — отрезала Элис. — В аббатстве Бриавель хранится том, чьи страницы сделаны не из обычного пергамента. В нём записаны имена тех, кто ещё не родился, — и даты их конца. Комиссар хотел вычеркнуть из этой книги собственное имя. Теперь он сам — лишь прочерк в чужой истории, не более того.

Она подошла к окну, наблюдая сквозь мутное стекло, как город внизу постепенно наполняется утренним шумом — стуком колёс, криками разносчиков, дальним лаем.

— Вам нужно попасть в библиотеку Святого Павла. В южном крыле есть тайник, о котором забыли даже сами епископы, слишком занятые собственными интригами. Если комиссар и оставил после себя хоть какой-то след — искать нужно там.

— А вы? — спросил Томас, чувствуя, как неумолимо затягивает его в этот водоворот, из которого, судя по всему, уже не выбраться обратно к спокойным завещаниям и долговым распискам. — Зачем вам помогать мне, случайному нотариусу с испачканными в чужой крови руками?

Элис горько усмехнулась — в этом коротком, сухом звуке Томасу почудился шелест старой, готовой рассыпаться бу-

маги.

— Потому что мне нужен человек, который умеет читать между строк, Томас. Хранитель мёртв, а Тень уже ищет себе нового хозяина. И, судя по тому, как дрожат сейчас ваши руки, этот выбор ей едва ли понравится.

Она исчезла так же внезапно, как и появилась, — Томас даже не успел заметить, в какую сторону она шагнула, — оставив после себя лишь лёгкий, странный запах озона, будто после близкой грозы, и погасшую свечу на столе. Нотариус остался один в тишине собственного кабинета. На столе лежал бесполезный нож, а рядом с ним — список из пяти слов, который теперь казался не просто перечнем, а самой настоящей картой в преисподнюю.

Слово «Крипта» больше не выглядело названием места.

Оно выглядело приговором, уже подписанным и скреплённым чужой печатью.

Глава V. Второе предупреждение

Томас замер, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, точно поймавшаяся в силки птица, бьющаяся из последних сил. Дежавю оказалось настолько сильным, что на мгновение ему почудилось, будто время сомкнулось кольцом и ночной кошмар решил повториться заново, теперь уже при свете дня, без всякой пощады к его расшатанным нервам.

— Не подходите к окну, — резко бросила Элис, но было уже поздно.

Элдридж успел сделать шаг вперёд, к самому стеклу. Че-

ловек, лежащий теперь на мостовой, вовсе не был похож на статного, хорошо одетого комиссара минувшей ночи. На нём была простая куртка из грубого сукна, перепачканная мукой у самых манжет, — тот самый мальчишка-подмастерье, что ещё десять минут назад лениво возил метлой по камням, поднимая облачка пыли. Теперь метла валялась в стороне, отброшенная неловким жестом, а сама жизнь тихо, безвозвратно уходила из него в щели между булыжниками, тёмным ручейком.

Страннее всего оказалась реакция самой улицы. Флит-стрит, обычно бурлящая с рассвета до глубокой ночи, вдруг словно онемела разом, будто кто-то невидимый зажал ей рот ладонью. Сосед-булочник исчез, бросив прямо на прилавке лотки с недопроданным хлебом. Гружёные телеги замерли посреди дороги, возницы попрятались за них. Город затаил дыхание — и Томасу почудилось, что за домом нотариуса сейчас наблюдают сотни невидимых глаз из-за каждой ставни, каждой приоткрытой двери.

— Они не просто ищут книгу, — прошептала Элис, отступая глубже в тень платяного шкафа, будто и сама боялась оказаться на виду. — Они выжигают свидетелей, одного за другим, методично, без спешки. Мальчишка видел, как ночью выносили тело комиссара. Теперь он — всего лишь ещё одна вычеркнутая строка в чужом списке.

— Да кто эти «они»?! — вскричал Томас, оборачиваясь к ней; голос его дрожал уже не столько от страха, сколько

от бессильной, разъедающей ярости. — Опричники короля? Люди епископа? Назовите хоть кого-нибудь!

— Те, кому не требуется имя, чтобы внушать настоящий ужас, — ответила она, и в глубине её глаз Томас разглядел вовсе не страх, которого ожидал, а нечто иное — застарелую, тяжёлую печаль человека, хоронившего слишком многих. — В Бриавеле их называли «Тенями алтаря».

Она шагнула к нему и вдруг схватила Томаса за рукав — хватка оказалась неожиданно крепкой для таких тонких пальцев.

— У нас нет времени на траур по чужому подмастерью, каким бы горьким он ни был. Если мы задержимся здесь ещё хоть немного, к полудню городская стража найдёт в вашем доме два трупа и заботливо подготовленные «доказательства» вашей измены короне.

Она коротким кивком указала на пергаменты, разбросанные по столу.

— Берите документы. Всё до последнего листа, что передал вам этот несчастный ночью.

Томас лихорадочно бросился собирать бумаги. Руки, всю жизнь привыкшие к неспешным, выверенным движениям пера, теперь судорожно комкали дорогой пергамент, путались в углах, не слушались. Список пяти слов. Печать Бриавеля с терновым венцом и ключом. И — он не сразу вспомнил об этом сам — тонкий металлический ключ, который незнакомец накануне сжимал в кулаке так отчаянно, что То-

мас машинально спрятал его в складках собственного рукава, даже не подумав об этом всерьёз до сего момента.

— Куда мы пойдём? — спросил он, торопливо пряча собранные бумаги за пазуху, к самому сердцу.

— Туда, где прячутся все тени Лондона, — ответила Элис, уже направляясь к неприметной задней двери, ведущей в узкий, зловонный переулок между домами. — В трущобы у Савоя. Там живёт человек, знавший вашего «Хранителя» задолго до того, как тот превратился в легенду для запугивания послушников.

Когда они выскользнули через заднюю дверь в промозглую сырость переулка, Томас не удержался и бросил последний, короткий взгляд на улицу через плечо. Мальчишка на мостовой больше не двигался — ни единой мышцей. Но внимание нотариуса зацепило нечто иное, гораздо более пугающее: на стене его собственного дома, прямо над входной дверью, кто-то — быстро, уверенной рукой — успел начертить углем грубый символ.

Перечёркнутый круг с каплей внутри.

Томас никогда не считал себя знатоком оккультных наук, но годы, проведённые за разбором старых церковных реестров, не прошли даром. Точно такой же знак ставили в древних приходских книгах напротив имён «выбывших по причине мора» — или тех несчастных, чьи души, по общему суеверному разумению переписчиков, более не принадлежали этому миру.

— Быстрее, — коротко поторопила Элис, уже растворяясь в лабиринте переулков впереди.

Они нырнули в путаницу узких проходов между домами ровно в тот момент, когда со стороны Флит-стрит раздался пронзительный, залиvistый свист городской стражи. Но это был вовсе не призыв о помощи, не тревога о найденном теле.

Это был сигнал. Начало настоящей охоты.

Глава VI. Инквизитор короны

В подвале воцарилась удушливая, звонкая тишина, нарушаемая лишь маслянистым потрескиванием фонаря у люка да собственным, слишком громким сердцебиением. Копоть неспешно поднималась к низким сводам, оседая на корешках бесценных книг, переживших не одно столетие лишь для того, чтобы теперь, возможно, обратиться в пепел за одну эту ночь: едкий запах пролитого масла из опрокинутой наверху лампы уже сочился сквозь щели дощатого потолка. Томас Эдридж чувствовал, как холодная капля пота медленно, мучительно ползёт вдоль позвоночника. Элис замерла рядом — дыхание её стало почти неслышным, — но он видел, как побелели, вдавились друг в друга костяшки пальцев, сжимающих тяжёлый том Бриавеля так, будто от этого зависела вся её жизнь.

— Он один? — её шёпот оказался тоньше паутины.

Эдридж едва заметно качнул головой, не отрывая взгляда от прямоугольника света, люющего сверху через открытый люк.

— Такие волки в одиночку не охотятся, — выдохнул он одними губами.

— Если мы выйдем — мы покойники, — так же тихо продолжила она. — Если останемся здесь — сгорим заживо вместе со всей лавкой.

— Но книга... — Элдридж не мог оторвать взгляда от чёрного фолианта в её руках. — Он ведь пришёл именно за ней.

Сверху снова донёсся голос — сухой, лишённый эмоций, будто треск старого пергамента:

— Я терпелив, мастер Элдридж. Но терпение — это роскошь, которой у вас, судя по всему, уже не осталось. Вы человек закона. Вы понимаете цену улик. Эта книга осудит вас на костёр за ересь быстрее, чем прогорит до основания эта лавка. Отдайте её мне — и я позволю вам уйти в туман.

Нотариус машинально коснулся холодной обложки. Его юридический ум, годами тренированный выискивать лазейки в самых запутанных контрактах, лихорадочно перебирал варианты спасения — и каждый упирался в глухие каменные стены. Единственная лестница вела прямо в раскрытую пасть ловушки.

Вдруг Элис коротким, резким жестом коснулась его предплечья. Палец её указывал в самую густую тень у дальней стены, за нагромождением пустых ящиков и рядами ветхих свитков, где угадывался контур узкой каменной арки. Кладка вокруг неё была неровной, торопливой — камни когда-то вынимали второпях и так же второпях вернули на место, не

заботясь о швах. На одном из них, на уровне колена, был выбит тот же знак, что и на обложке книги: переплетённые, извивающиеся друг в друге линии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.